

УДК 911.7

ЗАКАРПАТСКАЯ И КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТИ: КОНТРАСТЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОСТОЧНОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА¹

© 2015 г. М.В. Зотова, А.Б. Себенцов, Е.Д. Головина

Институт географии РАН, Москва, Россия; zotovam@bk.ru, asebentsov@gmail.com,
liza.golovina@gmail.com

Поступила в редакцию 26.12.2014 г.

Статья посвящена анализу этнокультурных, исторических и социально-экономических факторов приграничного сотрудничества на восточных границах Европейского союза на примере двух регионов: Калининградской области России и Закарпатской области Украины. Они имеют ряд схожих географических и исторических особенностей. Оба региона – часть восточной периферии Европейского союза и западной периферии постсоветского пространства, они изолированы от основной территории государства, и их государственная принадлежность и административные границы неоднократно изменялись вплоть до последнего времени. В статье дана оценка демографических и социально-экономических показателей, проанализированы трансграничные градиенты на рассматриваемых участках границы и практика приграничной деятельности, включая оценку влияния границы на повседневную жизнь населения. Выявлено, что основными движущими силами трансграничного взаимодействия на изученных участках границы остаются выгоды использования перепадов цен на товары и услуги в разных странах и этнокультурная близость народов, проживающих по разные стороны границы. Установлено, что, несмотря на разные подходы России и Украины к выбору интеграционной модели, их западные регионы сталкиваются с похожими трудностями и вызовами приграничного сотрудничества, которые характерны для всего восточного периметра европейских границ. Существенной проблемой остается асимметричный характер сотрудничества, обусловленный как существенными социально-экономическими градиентами и разным уровнем развития гражданского общества, так и политическими институтами, приоритеты которых определяются Европейским союзом.

Ключевые слова: экономика приграничного региона, приграничное сотрудничество, социально-экономические градиенты, Россия, Украина, Европейский союз.

Постановка задачи. Объектом пристального внимания многих исследователей в последние годы становятся границы, статус и функции которых изменились в результате крупных геополитических трансформаций XX в., в т.ч. распада СССР, Югославии, Чехословакии, а также образования Европейского союза (ЕС). Изучение новых границ в Восточной Европе и России, эволюции их функций и роли в формировании политической повестки дня в постсоциалистических и постсоветских государствах приобрело особую актуальность в связи с задачами национально-государственного строительства.

Современные исследования границ ведутся на нескольких территориальных уровнях – гло-

бальном, макрорегиональном, национальном, региональном и локальном [16]. В фокусе подобных исследований оказываются в первую очередь *приграничная деятельность*, связанная с трансграничными потоками и протекающая под влиянием близости границы; *пограничная политика*, под которой понимается выстраивание государственной и международной институциональной и правовой инфраструктуры; а также *сдвиги в идентичности и изменении восприятия границы* местными жителями [8, 25, 29]. На разных пространственных уровнях рассматриваются стимулы и ограничения приграничной деятельности, процессы внутренней и внешней территориальной интеграции. Важным аспектом исследований становится анализ экономических факторов, в том числе территориальных контрастов и структурных особенностей эконо-

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ (проект № 14-18-03621).

мики приграничных регионов, определяющих сложившиеся трансграничные связи и перспективы развития различных форм экономического взаимодействия [1].

Рост территориальных контрастов между парами соседних регионов зачастую препятствует органичному региональному развитию, провоцирует возникновение незаконных видов деятельности (нелегальная миграция, контрабанда и др.) и может при определенных обстоятельствах дестабилизировать обстановку, вплоть до риска роста сепаратистских настроений [9]. Особенно остро этот вопрос стоит перед территориями, имеющими тесные этнокультурные и исторические связи с соседними государствами, отличающимися более высоким уровнем социально-экономического развития. Общая история и культура – хорошая основа для приграничного сотрудничества [5], но в случае возникновения кризисных ситуаций национальные меньшинства и их негласные лидеры превращаются в инфраструктуру неформального контроля над территорией [12]. В то же время чем ближе уровень экономического развития соседних регионов, тем больше возникает предпосылок для успешного взаимодействия и сотрудничества [10].

Основная задача настоящей статьи – определить степень влияния различных факторов на развитие приграничного сотрудничества на примере Калининградской области России и Закарпатской области Украины. В первой части статьи обоснован выбор именно этих регионов в качестве пилотных, проанализированы их общие особенности, определяющие процессы приграничного сотрудничества. Во второй части дана оценка демографических и социально-экономических показателей, проанализированы трансграничные градиенты на рассматриваемых участках границы. В третьей части проводится анализ практики приграничной деятельности, включая оценку влияния границы на повседневную жизнь населения.

Основной информационной базой исследования стали региональные статистические материалы, программные документы приграничного сотрудничества, а также серии экспертных интервью², проведенных авторами с представителями власти, науки, бизнеса и некоммерческих организаций в Калининградской области в июне 2012 г. и сентябре 2014 г., а также в Закарпатской области и соседнем венгерском медье Сабольч–Сатмар–Берег в июне 2013 г.

² В каждом регионе авторами было проведено порядка 20 интервью.

Этноисторические особенности областей. Выбор Калининградской и Закарпатской областей неслучаен. Оба региона – часть восточной периферии Европейского союза и западной периферии постсоветского пространства. В то же время каждая из стран, которым принадлежат указанные регионы, проводит свою политику в отношении проектов интеграции. Украина – активный участник Восточного партнерства, декларирующий проведение курса на ускоренную евроинтеграцию. Россия, выступая за построение общего пространства с ЕС, является лидером другого интеграционного объединения – Евразийского союза.

Исторические предпосылки определяют общие черты и одновременно различия двух рассматриваемых областей. Государственная принадлежность и административные границы обоих регионов (особенно Закарпатской области³) неоднократно изменялись [4]. Обстоятельства вхождения в состав СССР в 1945 г. после окончания Второй мировой войны предопределили определенную изолированность областей. В случае Калининградской области она обусловливается эксклавным положением. Его особенности формировались в ходе государственного строительства в Литве и Беларуси в 1990-е гг. и вследствие вступления Польши и Литвы в ЕС и НАТО, вызвавшего появление новых таможенных и пограничных барьеров в 2000-е гг. [7, 11]. В случае Закарпатской области изолированность связана как с орографическими причинами, так и со специфической региональной идентичностью, сложившейся в условиях постоянного изменения государственной принадлежности.

Исторические предпосылки формирования национального состава и особой идентичности населения обоих регионов оказывают значительное влияние на характер сотрудничества и плотность неформальных контактов с соседними странами. Так, в Калининградской области в 1946–1947 гг. произошло тотальное замещение немецкого и литовского населения жителями различных, преимущественно сельских, районов СССР. В результате доля русских, по данным переписи 2010 г., составляла 86% населения, а доля немцев и литовцев не превышала 1%.

Хотя население Закарпатья не подвергалось таким радикальным изменениям, его этническая структура также претерпела определенные сдвиги

³ Полностью независимое государственное образование (непризнанная Карпатская Украина) существовало на этой территории только несколько дней в марте 1939 г. до оккупации венгерскими войсками весной 1939 г.

ги: доля этнических меньшинств существенно сократилась вследствие ассимиляции и эмиграции, а доля украинцев выросла с 78.4% в 1989 г. до 80.5% в 2001 г. Тем не менее, одно из крупнейших меньшинств – русины⁴ (в т.ч. бойки, лемки, гуцулы и др.) – оказывает существенное влияние на жизнь региона. Если по данным переписи 2001 г. их общая численность не превышала 10.2 тыс. чел. (<1% населения региона), то по оценкам представителей этнических объединений русин и некоторых экспертов [6] их гораздо больше – до 70–80%⁵. Свидетельством особой региональной идентичности стало голосование около 80% жителей Закарпатья за автономию области на региональном референдуме в 1991 г. Значительная часть населения требует признания русин отдельной от украинцев национальностью.

Венгерское и румынское меньшинства (соответственно 12% и 2.5% всего населения области) также играют заметную роль в регионе (особенно в районах компактного проживания), выступая с требованиями автономии и двойного гражданства. По данным последней переписи населения, венгры в Береговском районе составляют 76% населения, в городе Берегово – 50%, а румыны в Тячевском и Раховском районах – 12.5%⁶.

Таким образом, трансграничный характер расселения этносов, проживающих в Закарпатье, создает значительный потенциал частных, в том числе и родственных, контактов и становится основой приграничного сотрудничества как в области экономики, так и в области культуры. В свою очередь в Калининградской области, на российско-польской границе культурные и родственные связи, наоборот, стали интенсивнее уже в постсоветский период в результате активизации приграничного сотрудничества.

Социально-экономические контрасты. Демографические трансграничные градиенты.

⁴ Русины – группа восточнославянского населения Карпат, проживающая в Закарпатье, Восточной Словакии, Сербской Воеводине, юго-восточной Польше, Венгрии и северо-западной Румынии. Русин относят как к украинцам (мнение, распространенное в советской и современной украинской литературе), так и к отдельной этнической группе. Некоторые исследователи подчеркивали тяготение в прошлом русинов к русским и России, указывая на существовавшее в XIX в. среди русинов “москвофильское” движение, а также некоторые культурные и лингвистические особенности.

⁵ По оценкам Межрегиональной общественной организации “Объединение русинов”, в конце 1979 г. в Закарпатской области насчитывалось 978 тыс. русин (78.4% населения региона).

⁶ Всеукраинская перепись населения 2001. <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/zakarpattia/>

И в Закарпатской, и в Калининградской областях демографическая ситуация достаточно стабильна: оба региона за последние 10 лет испытали лишь незначительное изменение общего числа жителей⁷. Однако факторы, определяющие динамику численности населения, были различными.

В Калининградской области миграционный прирост почти полностью компенсировал естественную убыль населения, при этом усиливалась концентрация жителей в региональном центре и соседних с ним районах. Большое влияние на интенсивность миграционного потока оказала программа переселения соотечественников. В целом по демографическим показателям область сопоставима с соседними польскими воеводствами, где численность населения также остается относительно стабильной. Во многих северных воеводствах сохраняется небольшой рост численности населения, что обуславливается слабым естественным приростом, компенсирующим миграционный отток. Более сложная демографическая ситуация сложилась в соседних уездах и особенно приграничных муниципалитетах Литвы, в которых открытие европейского рынка труда после вступления страны в ЕС привело к массовой эмиграции, что в сочетании с естественной убылью вызвало сокращение населения более чем на 13% (рис. 1).

В Закарпатской области уменьшение численности населения впервые было зафиксировано в 1995 г. и за 7 лет составило 30.4 тыс. чел. (–2.4%). Главной причиной стал миграционный отток населения в страны ЕС, другие регионы Украины и Россию, который за 1990–2012 гг. составил порядка 50 тыс. чел. и лишь частично был компенсирован естественным приростом. Сильнее всего (в среднем на 5–7%) сократилось население Ужгородского, Межгорского и Великоберезнянского районов и города Берегово (рис. 2), в том числе в результате эмиграции населения, в первую очередь, этнических венгров, пользовавшихся программами облегченного получения венгерского гражданства. Демографическая ситуация в области стабилизировалась после 2008 г., когда начался существенный подъем рождаемости. В 2012 г. естественный прирост достиг максимальных за последние 20 лет значений (+3.3%) при все еще отрицательном миграционном балансе (–0.4%). Демографическая ситуация в соседних районах Румынии, Польши и Венгрии в целом схожая: большая часть соседних регионов теряет население.

⁷ За 1990–2012 гг. численность населения Калининградской области увеличилась на 7%, а Закарпатской – уменьшилась на 0.3%.

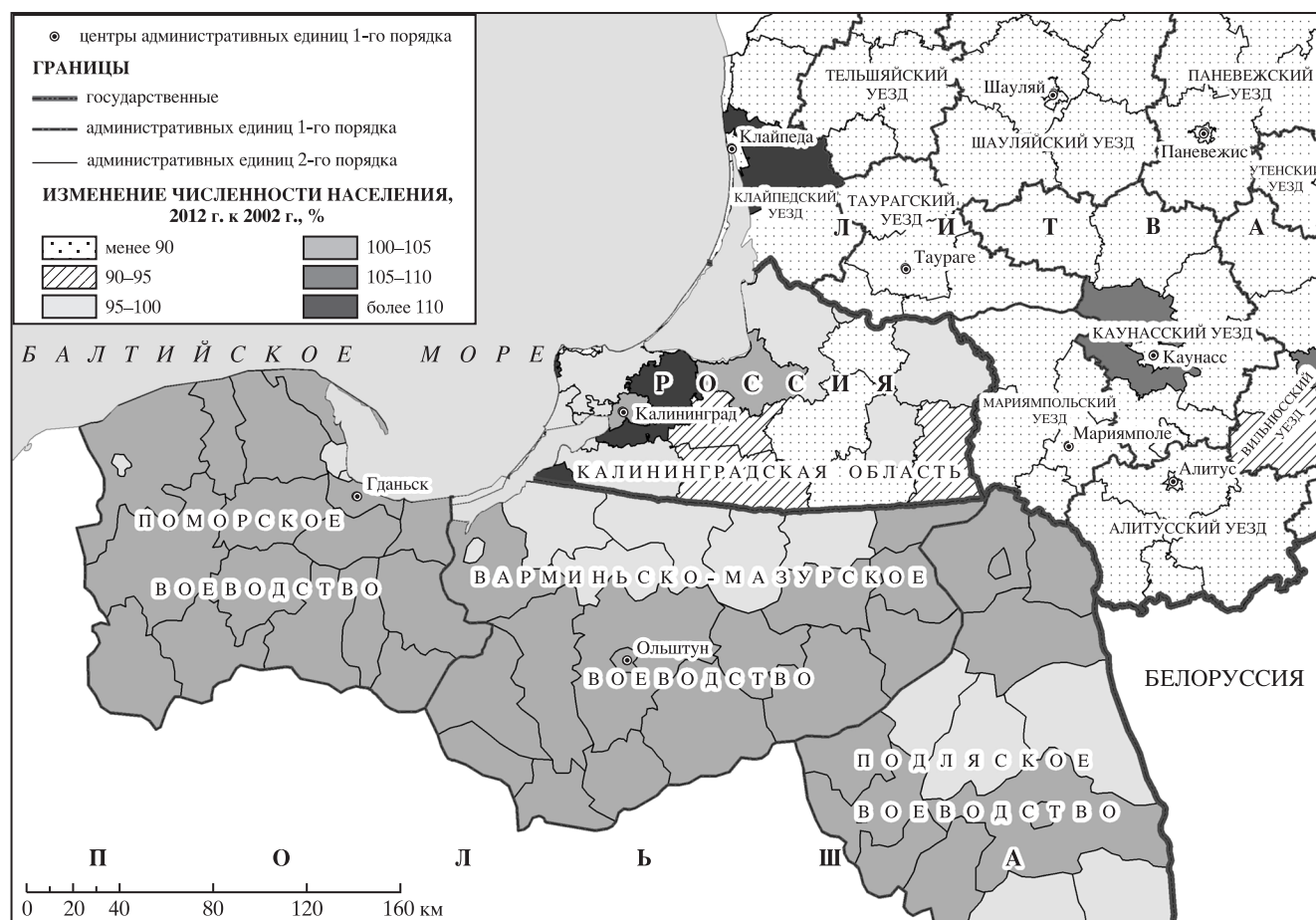

Рис. 1. Изменение численности населения Калининградской области России и соседних регионов Польши и Литвы в 2002–2012 гг., %.

Рассчитано по [2, 14, 18].

ние. Наиболее сложное положение наблюдается в румынских жудецах Марамуреш и Сату-Маре, где наряду с естественной убылью продолжается интенсивный миграционный отток населения. Более благополучны граничащие с Закарпатьем районы Кошицкого края Словакии, поскольку в их населении значительна доля цыган, у которых рождаемость по-прежнему высока.

Экономические градиенты. Различия в уровне экономического развития между двумя областями более заметны. Наибольшие контрасты наблюдаются в Закарпатской части пограничья: душевой ВРП (по ППС) уступает аналогичному показателю Кошицкого края в 4.5 раза, а Подкарпатского воеводства – в 3.5 раза (табл. 1). Менее значительны контрасты на украинско-румынском участке границы: Закарпатье уступает соседним жудецам Румынии в 2.5 раза. В то же время по абсолютным значениям ВРП (по ППС) Закарпатская область сопоставима с соседними жудецами Румынии и медье Венгрии. Однако эти регионы являются одними из самых отсталых в экономи-

ческом отношении территорий как в своей стране, так и в ЕС в целом.

По уровню развития промышленности Закарпатская область также заметно уступает европейским соседям. Наибольшие градиенты наблюдаются на границе со Словакией: индустриально развитый Кошицкий край опережает Закарпатскую область по объему промышленного производства почти в 9 раз. Даже отсталые относительно своих стран приграничные румынские жудецы и венгерский медье Сабольч–Сатмар–Берег имеют трех–четырёхкратный перевес над Закарпатьем (рис. 3). На их фоне неплохо выглядит только Ужгородский район, где производится 50% продукции области и сконцентрированы основные предприятия бывшей СЭЗ “Закарпатье”.

Калининградской области, несмотря на вступление России в ВТО и создание Таможенного союза ЕврАзЭС, удалось сохранить режим ОЭЗ (в полном объеме до 2016 г. и с заменой таможенных льгот на налоговые – до 2031 г.) и значительные объемы инвестиций государства и аффили-

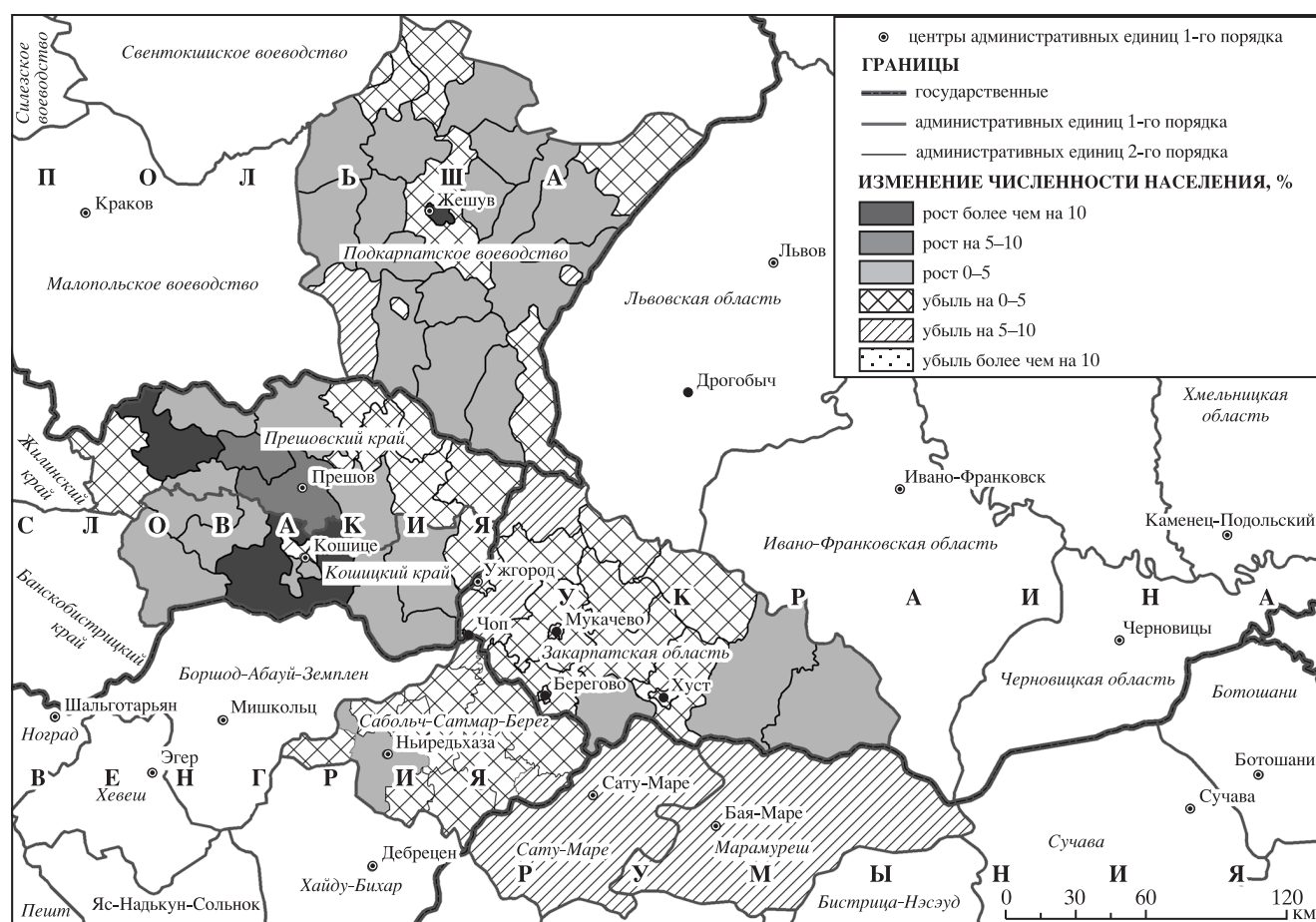

Рис. 2. Изменение численности населения Закарпатской области Украины и соседних регионов Польши, Словакии, Венгрии, Румынии в 2001–2012 гг., %.

Рассчитано по [13, 18, 23, 24, 27].

рованных с ним корпораций (Газпром, Росатом и др.). Это обеспечило высокий темп прироста ВРП и промышленного производства в 2000-е гг. и смягчило социально-экономические градиенты с соседними странами. Так, по уровню ВРП (по ППС) на душу населения Калининградская область существенно отстает только от относительно благополучных на национальном уровне Поморского воеводства Польши (в 1.5 раза) и Клайпедского уезда Литвы (в 1.7 раза), сопоставима с Варминьско-Мазурским воеводством и превосходит Таурагский уезд Литвы (табл. 1). Объемы промышленного производства в области выше, чем во всех соседних регионах (табл. 2).

Социальная ситуация на российско-польском и российско-литовском участках границы также не отличается резкими контрастами. Уровень заработной платы в Калининградской области (по ППС) сопоставим с зарплатами в Клайпедском уезде и Варминьско-Мазурском воеводстве (табл. 3). На этом фоне немного выделяется лишь Поморское воеводство. Поляки в среднем не-

сколько богаче россиян и литовцев, но литовское региональное сообщество менее сегрегированно по имущественному признаку, чем польское и российское.

Различия в уровне доходов между Закарпатской областью и соседними регионами ЕС более существенны. Среднемесячная начисленная заработная плата (по ППС) в Закарпатской области в 2012 г. составляла чуть больше 720 долл., что в 1.5–2 раза меньше, чем в соседних регионах Словакии, Венгрии и Польши (табл. 3). Ее уровень сопоставим только с соседними наиболее бедными жудецами Румынии. Чуть выше, чем в среднем по области, заработная плата в Ужгороде, Чопе и Ужгородском районе, однако внутрирегиональные градиенты (10–12%) существенно меньше трансграничных (рис. 4).

Таким образом, общей чертой обоих рассматриваемых участков восточного пограничья ЕС является наличие существенных социально-экономических градиентов с соседями, особенно у

Таблица 1. Валовый региональный продукт (ВРП) приграничных регионов в 2011 г.

Регион	ВРП, млн нац. валюта	ППС	ВРП по ППС, млн долл.	Душевой ВРП, нац. валюта	Душевой ВРП по ППС, долл.
<i>Закарпатская область и ее соседи</i>					
Закарпатская область (Украина)	18 054	3.4	5263.6	14 455	4214.3
Сабольч-Сатмар-Берег (Венгрия)	817 314	123.7	6609.9	1 476 000	11 936.9
Прешовский край (Слова- кия)	5546	0.5	10 874.6	6860.7	13 452.4
Кошицкий край (Словакия)	7464.2	0.5	14 635.7	9580.6	18 785.5
Подкарпатское воеводство (Польша)	57 028	1.8	31 334.1	26801	14 725.8
Жудец Марамуреш (Румы- ния)	8483.1	1.6	5269.0	17 722.6	11 007.8
Жудец Сату-Маре (Румы- ния)	6186.3	1.6	3842.4	17 964.6	11 158.2
Поморское воеводство (Польша)	86 206	1.8	47 365.9	37 822	20 781.3
<i>Калининградская область и ее соседи</i>					
Варминьско-Мазурское воеводство (Польша)	41 609	1.8	22 862.1	28 635	15 733.5
Калининградская область (Россия)	230 254.5	17.4	13 271.2	243 833.6	14 053.8
Клайпедский уезд (Литва)	13 117.3	1.6	8355.0	38 900	24 777.1
Таурагский уезд (Литва)	2232.9	1.6	1422.2	20 400	12 993.6

Рассчитано по [2, 13, 14, 18, 21, 23, 24, 27].

Закарпатской области, что во многом определяет практику приграничного сотрудничества.

Практика приграничного сотрудничества. В обоих регионах практика приграничного сотрудничества изначально рассматривалась как способ компенсации острого социально-экономического кризиса, охватившего постсоветское пространство после распада СССР.

С начала 1990-х гг. на региональном уровне под контролем центральных правительств государств шел процесс активного выстраивания *институциональной инфраструктуры в сфере приграничного сотрудничества*. В Калининградской области в этот период были созданы Российско-польский (1992) и Российско-литовский (1999) Приграничные Советы, в компетенцию отдельных комиссий которых входило множество актуальных вопросов от демаркации и делимитации границы до кооперации в сфере экономики. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. одной из главных форм и площадок регионального сотрудничества были еврорегионы. С участием Калининградской области было сформировано 5 еврорегионов – “Неман”

(основан в 1997 г.), “Балтика” (1998), “Сауле” (1999), “Шешупе” (2003) и “Лына-Лава” (2003). Наиболее интенсивное сотрудничество наблюдалось в первых двух регионах. “Неман” включает в себя пограничные и прибрежные территории Литвы, Польши, Дании, Швеции и Калининградской области, “Балтика” – часть Калининградской области и смежные с ней польские, литовские и белорусские территории. Общий размер грантов, выделенных на реализацию проектов в период с 1998 по 2005 г. составил 8.9 млн евро для еврорегиона “Балтика” и 13.2 млн евро для еврорегиона “Неман”. В 2012 г. в официальных документах МИД⁸ работа еврорегионов была признана неэффективной из-за недостатка финансовых ресурсов у муниципалитетов для осуществления совместных с зарубежными коллегами инициатив; отсутствия постоянно действующих российских

⁸ О деятельности и перспективах развития еврорегионов с участием Калининградской области // МИД РФ. 15.04.2013. <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-dos.nsf/45682f63b9f5b253432569e7004278c8/6f6365d5246c568544257a0d0043dc22?OpenDocument>

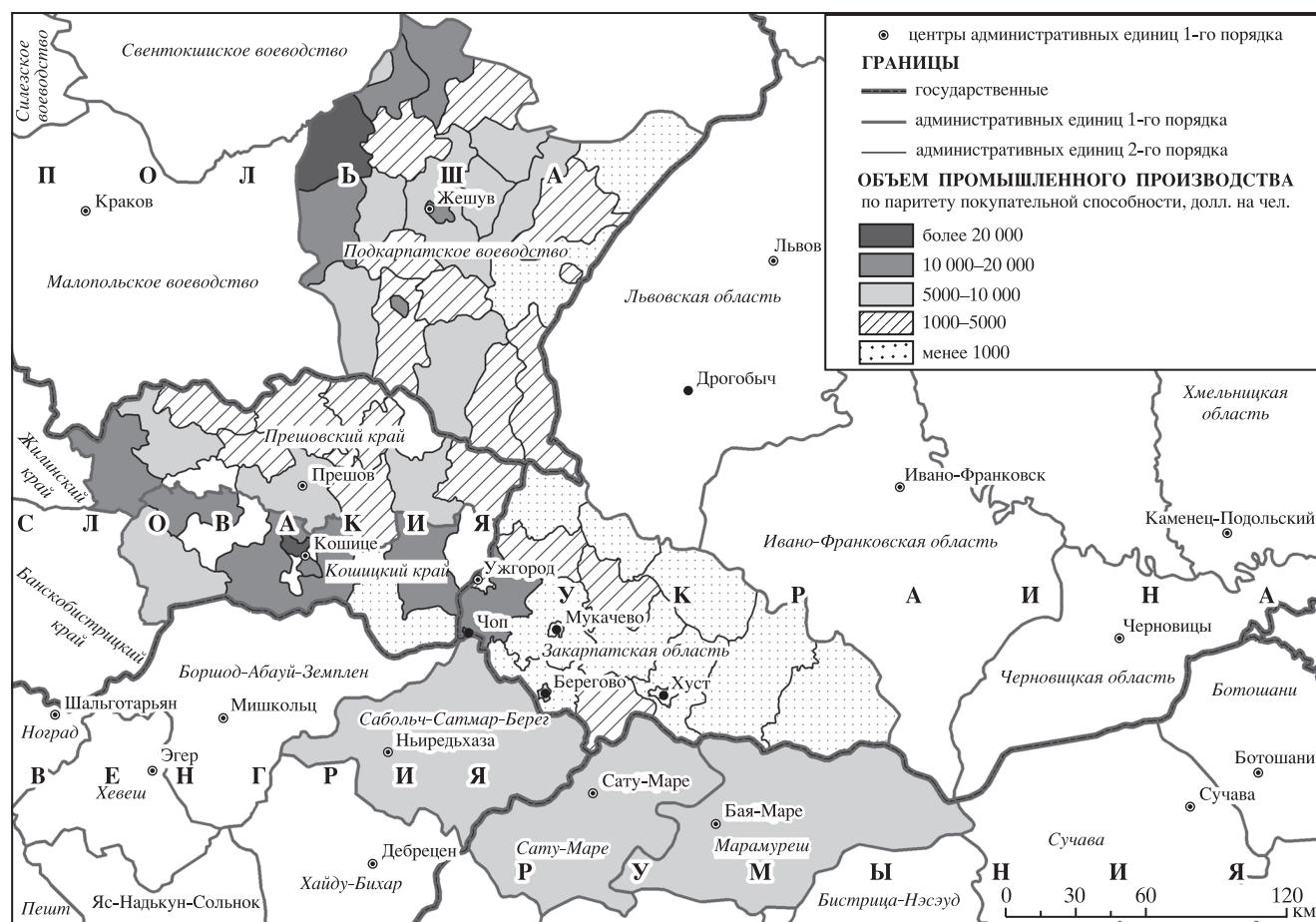

Рис. 3. Душевой объем промышленного производства (по ППС) в Закарпатской области Украины и соседних регионах Польши, Словакии, Венгрии, Румынии в 2012 г. Рассчитано по [13, 18, 21, 23, 24, 27].

секретариатов еврорегионов; существенных разногласий между партнерами по поводу критериев отбора проектов и механизмов их реализации. Участие области в еврорегионах постепенно сворачивается, новые проекты не реализуются, на постоянной основе сохранилось лишь проведение нескольких небольших международных мероприятий.

Закарпатская область в начале 1990-х также была вовлечена в еврорегиональное строительство. В 1993 г. в Дебрецене было подписано Соглашение о сотрудничестве, которое предусматривало образование Карпатского еврорегиона, куда вошли приграничные районы Украины, Польши, Венгрии, Словакии, а в 1997 г. и Румынии. В 1994 г. создан Фонд развития Закарпатского региона, целью которого было поддержание контактов неправительственных организаций соседних стран, оказание взаимного технического и финансового содействия. Однако эффективность еврорегиона также оказалась невысокой. По мнению украинских экспертов, основные причины –

законодательная несогласованность, неразвитость институтов еврорегионального сотрудничества, а также низкая степень привлечения к сотрудничеству бизнеса, негосударственных и общественных организаций.

После расширения ЕС Закарпатская и Калининградская области приняли активное участие в программах Приграничного сотрудничества, реализовывавшихся по линии INTERREG, а также PHARE и TACIS. Закарпатье участвовало в двух таких программах – “Венгрия – Словакия – Украина 2004–2006” и “Румыния – Украина 2004–2006”. Калининградская область – в программе “Литва – Польша – Россия 2004–2006”. Основная часть проектов, отобранных при реализации этих программ, была направлена на сотрудничество в области охраны окружающей среды, развитие гражданского общества, культурные и научные обмены. Реализованные программы приграничного сотрудничества неоднократно подвергались критике со стороны экспертного сообщества. Отмечалось, что проекты имели явный асимметрич-

Таблица 2. Душевой объем промышленного производства в Калининградской области и приграничных регионах Польши, Литвы в 2011 г., долл. США

Территория	Объем промышленного производства на душу населения	
	по КНВ	по ППС
РФ	9012	13 537
Калининградская область	12 331	18 523
Польша	9974	15 703
Варминьско-Мазурское воеводство	6274	9878
Поморское воеводство	11 547	18 180
Литва	8012	12 191

Рассчитано по [2, 14, 18, 21].

Таблица 3. Среднемесячная заработная плата в 2012 г.

Регион	Заработная плата, нац. валюта	ППС	Заработная плата по ППС, долл.
<i>Закарпатская область и ее соседи</i>			
Закарпатская область (Украина)	2351	3.3	721.2
Сабольч-Сатмар-Берег (Венгрия)	162 259	142.6	1137.8
Прешовский край (Словакия)	718	0.6	1237.9
Кошицкий край (Словакия)	853	0.6	1470.7
Подкарпатское воеводство (Польша)	3024.5	1.9	1559
Марамуреш (Румыния)	1389	2.0	687.6
Сату-Маре (Румыния)	1438	2.0	711.9
<i>Калининградская область и ее соседи</i>			
Поморское (Польша)	3455.1	1.9	1781
Варминьско-Мазурское (Польша)	2996.2	1.9	1544.5
Калининградская область (Россия)	21526	17.4	1240.7
Клайпедский уезд (Литва)	2163.6	1.8	1208.7
Таурагский уезд (Литва)	1737.9	1.8	970.9

Рассчитано и составлено по [2, 13, 14, 18, 22–24, 27].

ный характер: большая часть их средств расходовалась на территории стран ЕС с целью решения местных проблем, не оказывая серьезного воздействия на социально-экономическое положение соседних регионов, включенных в программу.

Проблема подобного перекося в сотрудничестве уже неоднократно поднималась в научной литературе [11, 19, 28] и была зафиксирована в одной из программ [17]. Ее отмечали и опрошенные авторами представители правительственных учреждений и некоммерческих организаций обоих регионов. В первую очередь такая асимметрия обуславливается сильными социально-экономическими различиями с соседними странами ЕС, особенно в случае Закарпатья. Финансирование первых программ приграничного сотрудничества осуществлялось ЕС, а соисполнители из Закарпатской и

Калининградской областей имели в проектах статус партнеров без финансового участия и поэтому не могли лоббировать свои интересы. К тому же центры принятия решений о распределении грантов и управления проектами также находились в странах ЕС. Не последнюю роль играли и общие для всего постсоветского пространства проблемы: недостаточный уровень развития гражданского общества, нехватка специалистов, способных вести международные проекты и делопроизводство на английском языке, низкий уровень правовой грамотности.

С переходом к финансированию с помощью Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI) оба региона приняли участие в новых программах приграничного сотрудничества (2007–2013).

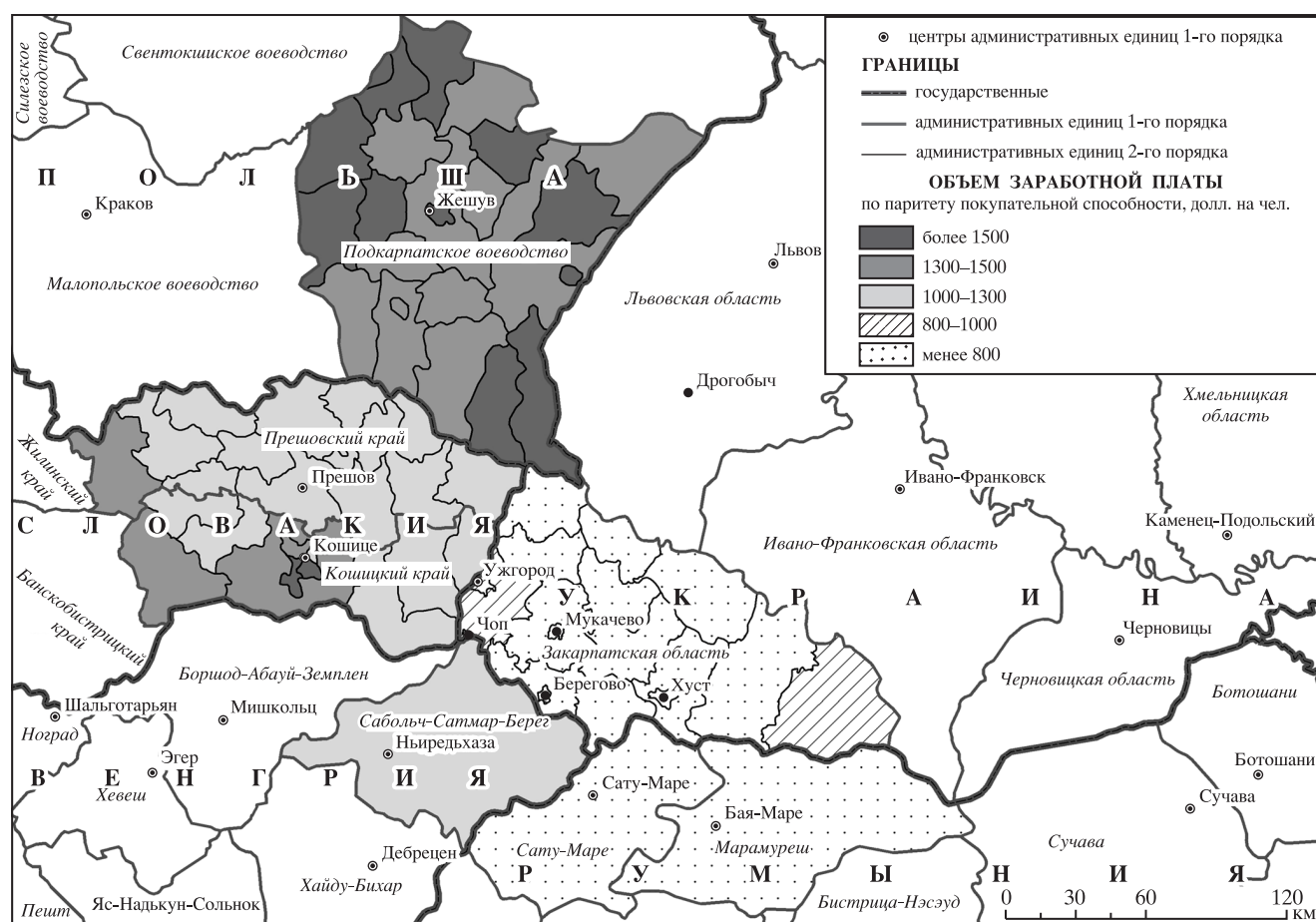

Рис. 4. Среднемесячная заработная плата по ППС в Закарпатской области Украины и соседних регионах Польши, Словакии, Венгрии, Румынии в 2012 г. Рассчитано по [13, 18, 22–24, 27].

Закарпатская область стала участницей двух таких программ. Главная из них – программа “Венгрия – Словакия – Румыния – Украина 2007–2013” с общим бюджетом 66.6 млн евро [15]. В ее рамках до 2015 г. должно быть реализовано 45 проектов на общую сумму 16 млн евро. Менее значима с точки зрения влияния на приграничное сотрудничество программа “Польша – Белоруссия – Украина”, поскольку Закарпатье не относится к “основной территории программы”. Однако область смогла получить по ней 8 проектов на сумму 6.3 млн евро.

Калининградская область приняла участие только в одной программе приграничного сотрудничества – “Литва – Польша – Россия 2007–2013” [17], которая имела гораздо больший бюджет (132.1 млн евро). Несмотря на разные названия приоритетов и их количество, и калининградская и закарпатская программы были направлены в первую очередь на поддержку экономического и социального развития, неформальных связей

и обменов в сфере образования и культуры, защиты окружающей среды.

С точки зрения содержания и практики реализации программы приграничного сотрудничества ENPI 2007–2013 гг. сильно отличались от первых программ INTERREG, PHARE и TACIS (2004–2006 гг.). Во-первых, в программах ENPI *асимметричность приграничного сотрудничества* стала менее заметной, особенно в случае Калининградской области. Сказались и накопленный локальными акторами опыт работы в международных проектах и активного лоббирования своих интересов, и ощутимый финансовый вклад российской стороны в суммарный бюджет программы (44 млн евро, или порядка 25%).

Во-вторых, *приграничное сотрудничество* стало “более приграничным”: новые программы в большей степени, чем раньше, затрагивают непосредственно приграничные районы. До недавнего времени, особенно в Калининградской области, большая часть проектов приходилась на

региональную столицу и еще один–два крупных города.

В-третьих, в программах сотрудничества сравнительно небольшие по объемам финансирования “мягкие” проекты⁹, все чаще дополняются крупными проектами, направленными на модернизацию или создание современной инфраструктуры. Так, в Закарпатье удалось решить вопрос финансирования строительства и реконструкции пунктов пропуска, имеющих важное экономическое значение как для области, так и Украины в целом. Другие важные проекты были связаны с решением актуальных для горных приграничных территорий вопросов, таких как организация противопаводковых мероприятий, внедрение нового управления водными ресурсами и сохранение лесного хозяйства.

В Калининградской области крупные проекты также были направлены на улучшение транспортной доступности и расширение пунктов пропуска, а также защиту трансграничных водных объектов (строительство очистных сооружений).

Основными движущими силами *повседневного приграничного взаимодействия* на восточных границах ЕС остаются экономический прагматизм (выгоды использования перепадов цен на товары и услуги в разных странах) и этнокультурная близость народов, проживающих по разные стороны границы (в случае Закарпатья). По мнению многих экспертов, хорошее знание друг друга обеспечивает открытость для инвестиций и общность моделей ведения бизнеса и сотрудничества.

На украинско-венгерском участке неформальные, родственные и коммерческие связи активно поощряются венгерской стороной и находят выражение в многочисленных государственных программах поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. В г. Берегово с 1994 г. действует Закарпатский венгерский институт им. Фаренца II Ракоци, спонсируемый венгерским правительством. Финансируются различные проекты развития венгерского языка и культуры. С 2001 г. многие жители приграничных с Венгрией районов получили “карту венгра”, или “зеленый паспорт”¹⁰, а с 2010 г. после упрощения

Венгрией соответствующих процедур – и венгерское гражданство. Повсеместное использование венгерских флагов и символов, венгерского языка и даже венгерского времени породило в соседних с Закарпатьем районах Венгрии известную шутку: “С кем граничит Венгрия? С Венгрией!”. Так или иначе, *венгерско-украинское пограничье – зона особого, привилегированного приграничного сотрудничества*.

На украинско-румынском участке экономика культурного региона Марамуреш немного отличается от остальной части Закарпатья. Источник благосостояния населения здесь – заработки в России или в Европе. Экономическая слабость румынских приграничных регионов (Сату-Маре и Марамуреш) не позволяет институализировать сотрудничество и реализовывать крупные совместные проекты, требующие больших высокорисковых инвестиций (например, развитие бальнеологического курорта в соляных шахтах Солотвино, возобновление местного трансграничного железнодорожного сообщения и т.д.). Трансграничное сотрудничество ограничено преимущественно челночной торговлей и культурно-досуговой сферой.

Для многих жителей приграничных районов Закарпатья с высокой безработицей и низким уровнем жизни челночный бизнес остается одной из важных сфер занятости. Это заставляет население использовать малейшие различия в уровне цен по обе стороны границы. На венгерско-украинской и польско-украинской границах с обеих сторон до сих пор работает сеть контрагентов, заработки для челнока за одно пересечение границы достигают 50 долл. Главные товары с украинской стороны – бензин, сигареты, алкоголь, сладости, со стороны стран ЕС – разнообразные продовольственные товары, продукция легкой промышленности, строительные материалы [26].

Другой пример использования украинцами выгод приграничного положения – повсеместное передвижение на машинах со словацкими номерами во избежание таможенных сборов и дополнительного налогообложения. Это в свою очередь стимулирует постоянные перемещения через границу, поскольку иностранная машина не может находиться на территории Украины больше определенного срока.

находилось под протекторатом Венгрии. Этот документ дает обладателям массу преимуществ: право на работу и проживание в Венгрии без регистрации, бесплатный проезд, льготное обучение в вузах, медицинское обслуживание и т.д.

⁹ К “мягким” проектам в практике приграничного сотрудничества обычно относят различные культурные, научные и образовательные обмены, форумы, круглые столы, выступления творческих коллективов и пр.

¹⁰ “Зеленый паспорт” – неформальное название документа, который выдавался венграм, живущим или даже родившимся за границами Венгрии. Его могли получить все этнические венгры и члены их семей при условии знания истории и языка Венгрии и наличия подтверждений проживания предков на территории Закарпатья, когда оно

В Калининградской области челночная торговля в начале 1990-х гг. позволила отчасти компенсировать некоторые последствия эксклавного положения региона. В результате выравнивания социально-экономических градиентов между областью и соседними странами ЕС, а также действий региональных властей по переводу приграничной торговли в более цивилизованные формы доля занятых в челночном бизнесе заметно сократилась. Среди профессиональных челноков сегодня преобладают польские граждане, которые сохранили специализацию по переправке в соседние регионы Польши бензина и нефтепродуктов, сигарет. Калининградские челноки специализируются на ряде продовольственных товаров, частично продукции легкой промышленности, однако их роль в наполнении калининградского товарного рынка существенно уменьшилась. Уже к середине 2000-х годов поток челноков оказался во многом замещен потоком жителей области, выезжающих на выходные и праздники в соседние регионы Литвы и особенно Польши за покупками. В свою очередь шопинг постепенно уступает место различным визам туризма (оздоровительному, событийному, развлекательному и т. д.).

Усиление барьерности границы между Калининградской и Закарпатской областями, с одной стороны, и соседними регионами стран Восточной Европы – с другой, после их вступления в ЕС привели к необходимости введения особых условий пересечения границы для жителей приграничных районов. Регламент Европейского Парламента и Совета от 20 декабря 2006 г. дал возможность государствам-членам ЕС заключать соглашения с соседними странами, устанавливая специальные правила местного приграничного движения (МПД)¹¹ на внешних сухопутных границах.

Власти Украины первыми воспользовались новой возможностью для облегчения перемещения своих сограждан и к настоящему времени подписали соглашения о местном приграничном движении со всеми соседними странами – Венгрией (январь 2008 г.), Словакией (сентябрь 2008 г.), Польшей (июль 2009 г.), Румынией (апрель 2014 г.).

Сегодня в Закарпатской области наиболее эффективно работает соглашение о МПД с Венгрией, оно отличается большим охватом (до 50 км) и простотой получения карт МПД. Ежегодно консульство Венгрии в Закарпатской области выдает жителям приграничных районов Украины порядка 12 тыс. таких карт. По данным Госпогранслужбы Украины, за последние полгода участниками МПД на украинско-венгерском участке границы стали около 1.5 млн человек. Для Венгрии МПД стало не только источником дополнительных доходов за счет увеличения числа приезжающих за покупками украинцев, но также и важным механизмом поддержания связей со своими соотечественниками.

На остальных участках успехи от введения МПД выглядят гораздо скромнее. На словацком участке количество пересечений границы в 7 раз меньше, так как процедура получения карточки МПД бюрократизирована, а разрешенная зона для передвижения составляет всего 30 км. На польском участке, несмотря на подписанные соглашения, режим МПД так и не запущен в связи с отсутствием в Закарпатье необходимой приграничной инфраструктуры.

Для жителей Калининградской области России, Варминьско-Мазурского и части Поморского воеводств Польши в июле 2012 г. также был введен режим МПД, который имеет преимущественно экономический характер. По данным польских экспертов [30], с июля 2012 г. по июль 2014 г. консульство Польши в Калининграде выдало более 200 тыс. разрешений. За 2013 г. на российско-польской границе было зафиксировано 6 млн пересечений, из них около 70% приходилось на поляков и лишь 30% – на жителей Калининградской области. Тем не менее за первые 6 месяцев 2014 г. только по данным предъявленных к возмещению платежных документов по системе Taxfree, калининградцы потратили в Польше 92 млн злотых или 22 млн евро (что почти в 2 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года), истинная же сумма трат существенно больше¹². Проект МПД особенно позитивно сказался на развитии Варминьско-Мазурского воеводства – самого депрессивного региона Польши: в результате роста потребления в регионе благодаря калининградским туристам уровень безработицы за прошлый год заметно снизился с 21.3 до 18.6%, вырос розничный товарооборот, увеличились инвестиции.

¹¹ Малое приграничное движение (local border traffic) – особый режим для жителей приграничья (до 50 км от границы), позволяющий им при получении специального разрешения (карты МПД) посещать соседнее государство сроком не более 30–60 дней за одну поездку и не более 90 дней за полгода. Основание для введения малого приграничного движения – тесные родственные и человеческие связи между местными жителями по обе стороны границы.

¹² За полгода калининградцы потратили в Польше 92 млн злотых //Русский Запад. <http://ruwest.ru/news/24512/>.

В Калининградской области главными бенефициарами от введения МПД оказались рядовые жители, которые получили доступ к более дешевым и качественным товарам. Товаропроизводители и продавцы, наоборот, ощутили возросшую конкуренцию со стороны европейского бизнеса. Не оправдались ожидания калининградских бизнесменов и на поток польских туристов. По оценкам польских экспертов, около 75% поляков, въезжающих в Калининградскую область в рамках МПД, ограничиваются поездкой на ближайшую бензоколонку и проводят на территории области не более 1–2 часов.

Заключение. Несмотря на разные подходы России и Украины к выбору интеграционной модели, их западные регионы в ежедневной практике приграничного сотрудничества сталкиваются с похожими трудностями и вызовами, которые, по нашему мнению, характерны для всего восточного периметра европейских границ.

Евроинтеграционные устремления Украины, трансграничный характер расселения народов, составляющих основу закарпатского социума, не стали гарантом больших успехов в приграничном сотрудничестве Закарпатья с соседними странами. Этнические связи, хотя и позволяют достичь определенных результатов и появления зон привилегированного сотрудничества, одновременно способствуют сегрегации общества по национальному признаку. Принимая участие в программе ENPI, Закарпатская область постепенно движется по пути институализации приграничного сотрудничества и облечения его в цивилизованные рамки, но это движение тормозится ограниченными финансовыми возможностями региона. Главной движущей силой на западных границах Украины по-прежнему выступает разница в ценах на важнейшие потребительские товары, что способствует развитию различных видов приграничной торговли, в том числе и челночного бизнеса. Пользуясь терминологией Л.Б. Вардомского [3], такой тип сотрудничества можно назвать традиционным.

Калининградская область гораздо дальше продвинулась по пути углубления взаимодействия с соседними странами (в первую очередь с Польшей). Хотя традиционная модель здесь еще сохранилась, сотрудничество приобретает все более цивилизованные формы, жесткий таможенный и визовый режим компенсируется развитием контактов, гуманитарных (социальных) обменов, а также реализацией совместных трансграничных проектов, финансирование которых облечено в институциональные формы. В результате посте-

пенно выстраивается партнерская (институциональная) модель приграничного сотрудничества.

Существенной проблемой остается асимметрия приграничного взаимодействия, (особенно для Закарпатской области). При существенных социально-экономических градиентах и недостаточном уровне развития гражданского общества сложно создать условия для равноправного партнерства, но еще сложнее его реализовать.

Асимметрия заложена и в существующих моделях институционального сотрудничества, общие приоритеты которых определяются Европейским союзом, а центры принятия важнейших решений находятся на территории европейских стран. Только европейская сторона имеет право определять стратегические задачи приграничного сотрудничества, в то время как восточным партнерам позволено лишь следовать в русле проводимой ЕС политики, выбирая из уже подготовленного для них перечня приоритетов.

С другой стороны, даже такое не вполне равноправное сотрудничество со всеми его рисками и издержками является источником новых возможностей для слабых партнеров. Оно позволяет ощутимо менять качество жизни в приграничных районах и способствует разрушению стереотипов и росту взаимного доверия, выстраиванию совместных бизнес-процессов, что в свою очередь может привести к формированию трансграничных функциональных регионов.

Кроме того, приграничье – это своего рода лаборатория, где отрабатываются перспективные формы и модели межгосударственного сотрудничества. Показательно, что, несмотря на обострение отношений, ни Россия, ни ЕС не свернули кооперацию в приграничных регионах, сохранили режим МПД на польско-калининградском участке и на рубеже 2014–2015 гг. приступили к разработке новых программ приграничного сотрудничества на период до 2020 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А.М., Вардомский Л.Б., Колосов В.А. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21). С. 76–96.
2. База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба государственной статистики. 2013. <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst27/DBInet.cgi#1>
3. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Кн. дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. 216 с.

4. *Вегеш М.* Карпатська Україна. Документи і факти. Ужгород: Карпати, 2004. 432 с.
5. *Гриценко А.А.* Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 1. С. 31–44.
6. *Дуличенко А.Д.* Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. № 1. С. 20–29.
7. *Клемешев А.П.* Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и поиск путей ее преодоления // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 102–114.
8. *Колосов В.А.* Географические исследования государственных границ: новые вызовы и перспективы // Миграция в России: 2000–2012. Т. 1. Ч. 2. М.: Спецкнига, 2013. С. 19–29.
9. *Колосов В.А. Зотова М.В.* Российско-украинское пограничье: морфология, расселение, градиенты // Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. М.: Новый хронограф, 2011. С. 99–141.
10. *Колосов В.А. Зотова М.В., Себенцов А.Б.* Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 5. С. 32–46.
11. *Себенцов А.Б., Зотова М.В.* Потенциал ЭГП Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. 2013. № 4 (18). С. 113–131.
12. *Себенцов А.Б., Колосов В.А.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. 2012. № 2. С. 31–46.
13. *Регіони України: Стат. сб.. (2012) Ч. I и II.* Київ: Держстат, 2013.
14. Database of Indicators. Statistics Lithuania. 2013. <http://db1.stat.gov.lt/statbank/SelectTable/omrade0.asp?SubjectCode=S3&PLanguage=1&ShowNews=OFF>.
15. Hungary-Slovakia-Romania-Ukraine Cross-border Cooperation Programme. 2007–2013. Joint Operation Programme ENPI. Budapest, 2008. 97 p.
16. *Kolosov V., Scott J.* Selected Conceptual Issues in Border Studies // Belgeo. 2013. № 4. P. 9–21.
17. Lithuania-Poland-Russia Cross-Border Cooperation Programme. 2007–2013. Operational Programme. (document adopted by the European Commission on 17 Dec. 2008, amended on 7 March 2011). Warsaw, 2011. 69 p.
18. Local Data Bank. Central Statistical Office of Poland. 2013. http://www.stat.gov.pl/bdlen/app/dane_podgrup.hier?p_id=945797&p_token=-1666235519
19. *Melnik A.* Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems // Regional transborder cooperation in countries of Central and Eastern Europe – a balance of achievements. Warsaw: PAS, 2006. P. 117–137.
20. Official exchange rate (LCU per US\$, period average): World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478/>
21. PPP conversion factor, GDP (LCU per international \$): World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>
22. PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$): World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=1283456>
23. Regdat – Regional Statistics Database, Statistical Office of the Slovak Republic, 2013. http://px-web.statistics.sk/PXWebSlovak/index_en.htm.
24. Regional statistics: Hungarian Central Statistical Office. 2013 https://www.ksh.hu/regional_statistics.
25. *Scott J.W.* Euroregions, governance and transborder co-operation within the EU // European Res. in Regional Sci. 2000. V. 10. P. 104–115.
26. *Sowa B.* Cooperation between small and medium-sized enterprises and other participants of the market in the Carpathian Euroregion // Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe – a balance of achievements. Warsaw: PAS, 2006. P. 159–165.
27. Sustainable Development Indicators at Territorial level for Romania (SDIT), 2013. http://www.insse.ro/cms/files/IDDT%202012/index_IDDT_en.htm.
28. *Tanaka H.* Carpathian Euroregion and Cross-Border Governance // Journ. of Comparative Economic Studies. 2006. V. 2. P. 59–80.
29. *van Houtum H.* Internationalisation and Mental Borders // Tijdschrift voor Econimische Sociale Geografie. 1999. V. 90. № 3. P. 329–335.
30. *Zdanowicz M.* Local border traffic on the Polish section of the European Union external border. Warsaw: ASPRA-JR, 2014. P. 226.

REFERENCES

1. Anisimov A.M., Vardomskiy L.B., Kolosov V.A. et al. Close boundary collaboration of the regions of Russia, Belarus, and Ukraine: status and prospects. *Evrasiiskaya Ekon. Integr.*, 2013, no. 4 (21), pp. 76–96. (In Russ.).
2. Federal Statistical Service, Database of the indices of municipal subjects, 2013. (In Russ.). <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst27/DBInet.cgi#1>
3. Vardomskiy L.B. *Rossiiskoe porubezh'e v usloviyakh globalizatsii* (Russian Frontier Regions in Globalization). Moscow: LIBROKOM Publ., 2009. 216 p.
4. *Vegesh M. Karpats'ka Ukraina. Dokumenti i fakti* (Carpathian Ukraine: Documents and Facts). Uzhgorod: Karpati Publ., 2004. 432 p.
5. *Gritsenko A.A.* Ethnocultural gradient and regional identity along Russian-Ukrainian-Belorussian fron-

- tiers. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2011, no. 1, pp. 31–44, (in Russ.); *Regional Research of Russia*, 2011, vol. 1, no. 4, pp. 373–384.
6. Dulichenko A.D. Carpathian Russians today: some ethnolinguistic aspects. *Slavyanovedenie*, 2005, no. 1, pp. 20–29. (In Russ.).
 7. Klemeshev A.P. Russian exclave in Baltic region: evolution of exclavity and its overcome. *Balt. Reg.*, 2009, no. 2, pp. 102–114. (In Russ.).
 8. Kolosov V.A. Geographical studies of the State borders: new challenges and prospects, in *Migratsiya v Rossii: 2000–2012* (Migration in Russia in 2000–2012). Moscow: Spetskniga Publ., vol. 1, part 2, pp. 19–29. (In Russ.).
 9. Kolosov V.A. and Zotova M.V. Russian-Ukrainian frontiers: morphology, resettlement, and gradients, in *Rossisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let radeleennogo edinstva* (Russian-Ukrainian Frontiers: Twenty Years of Separated Integrity). Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2011, pp. 99–141. (In Russ.).
 10. Kolosov V.A., Zotova M.V., and Sebentsov A.B. Economic structural peculiarities and gradients of socioeconomic development of near boundary regions of Belarus, Russia, and Ukraine. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2014, no. 5, pp. 32–46, (in Russ.); *Regional Research of Russia*, 2014, vol. 4, no. 4, pp. 286–300.
 11. Sebentsov A.B. and Zotova M.V. Potential of economical-geographical position of Kaliningrad oblast: obstacles and prospects of implementation. *Balt. Reg.*, 2013, no. 4(18), pp. 113–131. (In Russ.).
 12. Sebentsov A.B. and Kolosov V.A. Phenomenon of uncontrolled areas in the modern world. *Polis*, 2012, no. 2, pp. 31–46. (In Russ.).
 13. *Regioni Ukraini: Statisticheskii sbornik, 2012* (Regions of Ukraine: Statistical Handbook, 2012). Kyiv: Derzhstat Publ., 2013, 2 parts.
 14. Database of Indicators, Statistics Lithuania, 2013. <http://db1.stat.gov.lt/statbank/SelectTable/omrade0.asp?SubjectCode=S3&PLanguage=1&ShowNews=OFF>
 15. *Hungary-Slovakia-Romania-Ukraine Cross-Border Cooperation Program, 2007–2013. Joint Operation Program ENPI*. Budapest, 2008. 97 p.
 16. Kolosov V. and Scott J. Selected conceptual issues in border studies. *Belgeo*, 2013, no. 4, pp. 9–21. (In Russ.).
 17. *Lithuania-Poland-Russia Cross-Border Cooperation Program, 2007–2013. Operational Program: Document Adopted by the European Commission on December 17, 2008, Amended on March 7, 2011*. Warsaw, 2011. 69 p.
 18. Local Data Bank, Central Statistical Office of Poland, 2013. http://www.stat.gov.pl/bdlen/app/dane_podgrup.hier?p_id=945797&p_token=-1666235519
 19. Melnik A. Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems, in *Regional Transborder Cooperation in Countries of Central and Eastern Europe – a Balance of Achievements*. Warsaw: PAS, 2006, pp. 117–137.
 20. World Bank Database, Official exchange rate (LCU per US\$, period average), 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478/>
 21. World Bank Database, PPP conversion factor, GDP (LCU per international \$), 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>
 22. World Bank Database, PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$), 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=1283456>
 23. Regdat – Regional Statistics Database, Statistical Office of the Slovak Republic, 2013. http://px-web.statistics.sk/PXWebSlovak/index_en.htm
 24. Regional statistics: Hungarian Central Statistical Office, 2013 https://www.ksh.hu/regional_statistics
 25. Scott J.W. Euroregions, governance and transborder co-operation within the EU. *Eur. Res. Reg. Sci.*, 2000, vol. 10, pp. 104–115.
 26. Sowa B. Cooperation between small and medium-sized enterprises and other participants of the market in the Carpathian Euroregion, in *Regional Transborder Cooperation in Countries of Central and Eastern Europe – a Balance of Achievements*. Warsaw: PAS, 2006, pp. 159–165.
 27. Sustainable development indicators at territorial level for Romania (SDIT), 2013. http://www.insse.ro/cms/files/IDDT%202012/index_IDDT_en.htm.
 28. Tanaka H. Carpathian Euroregion and cross-border governance. *J. Comp. Econ. Stud.*, 2006, vol. 2, pp. 59–80.
 29. Houtum van H. Internationalization and mental borders. *Tijdschrift Econ. Soc. Geogr.*, 1999, vol. 90, no. 3, pp. 329–335.
 30. Zdanowicz M. *Local Border Traffic on the Polish Section of the European Union External Border*. Warsaw: ASPRA-JR, 2014, 226 p.

Transcarpathian and Kaliningrad Oblasts: Contrasts and Cross-Border Cooperation in the Eastern Borderland of European Union

M.B. Zotova, A.B. Sebentsov, E.D. Golovina

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zotovam@bk.ru,
asebentsov@gmail.com, liza.golovina@gmail.com*

The problems of nation-building today cause the exploration of new frontiers, the evolution of their functions and roles in Eastern Europe and Russia and the comparison of the process of establishing new boundaries in the East of the European Union. Socioeconomic, ethno-cultural and historical features of the regions concerning the practice of cross-border activities, as well as institutional infrastructure defining the processes of cross-border integration in two different cross-border regions: Kaliningrad (Russian) and Transcarpathian (Ukraine) oblasts, are shown.

In the first part of the paper the choice of regions is justified, their similar historical, institutional and ethno-cultural features that determine the development of cross-border cooperation are analyzed. The second part is devoted to the analysis of socioeconomic development of chosen regions in comparison with neighboring regions. The level of development of the Kaliningrad and Transcarpathian oblasts is compared with the level of development of similar administrative units of neighboring countries: counties and communes of Lithuania, provinces and powiats of Poland, counties of Romania and Hungary, territories and districts of Slovakia. Differences and contrasts along the border are considered in the context of actual and potential cross-border interactions and cooperation. In the third part authors examine the practice of cross-border activities along the border, including the impact of the border on the everyday life of local people. The main purpose of the paper is to determine the degree of influence of various factors on the development of cross-border integration, and to assess its prospects on the case of the Kaliningrad and Transcarpathian oblasts.

Keywords: economy of the border region, cross-border cooperation, socioeconomic gradients, Russia, Ukraine, European Union.